

**Собрание сочинений профессора Казанской
Духовной Академии Николая Ивановского**

Том 1

УДК 291
ББК 86.3
С54

С54 Собрание сочинений профессора Казанской Духовной Академии Николая Ивановского: Том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 494 с.

ISBN 978-5-458-33518-8

Ивановский Николай Иванович — известнейший исследователь раскола.

ISBN 978-5-458-33518-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

ГОЛОСЪ СКОРБИ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА ПО ПОЧИВШЕМЪ ВЪ ВОЗЪ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМЪ ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ III ¹⁾.

Безконечно великая преждевременная потеря, понесенная Россіею въ 1894 году кончиною благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III, наиболѣе коснулась Царственной Семьи, лишившейся Супруга и Отца.

Первенецъ этой благословенной Семьи, Великій Князь, Наслѣдникъ Цесаревичъ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ вступилъ на Прародительскій Престоль. Ставъ Главою Россіи, Онъ, какъ истинный Отецъ отечества носить въ Своемъ сердцѣ не только личную или семейную скорбь, а скорбь всей ста-милліонной семьи русскаго народа.

По истинѣ, подавляюща—таковая скорбь!

И мы всѣ предъ Богомъ и людьми приняли присягу въ вѣрноподданнической Ему преданности. Священный долгъ присяги долженъ наиболѣе сознаваться и живо сознается въ средѣ насъ, ближайшихъ служителей церкви, воспитателей духовнаго юношества и питомцевъ нашихъ. Мы твердо знаемъ, что *Вышній*

¹⁾ Напечатано было въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за ноябрь 1894 г.

владѣть царствомъ человеческимъ и ему же хочетъ, даетъ ѿ (Дан. IV, 22), знаемъ, что сердце царевъ въ руцѣ Божіей (Притч. Солом. XXI, 1), и потому, повинуваясь Царю и любя Его, повинуемся и любимъ Того, Кто есть Царь и надъ царями, Кто, по христіанскому дерзновенію, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и общій, любвеобильный Отецъ и намъ и Царю земному.

Во имя этого-то единенія и союза вѣры и въ знаменіе сего дерзновенія, и мы почитаемъ своимъ священнымъ долгомъ и ощущаемъ потребность сердца на ряду съ многомилліоннымъ народомъ, раздѣлить гнетущую скорбь сію, взять и на себя частицу этой великой государственной скорби,—раздѣлить ее съ Тѣмъ, Который Богомъ предназначенъ направлять судьбы наши и воодушевлять сердца наши! Никто изъ насъ не видитъ теперь лица Его, но все до единого мы живемъ съ Нимъ, съ Нимъ молимся и плачемъ. Въ этомъ—взаимная, подавляющая сердце, скорбь, но и взаимное, во имя любви Христовой и преданности вѣрноподданнической, раздѣленіе скорби. Здѣсь, въ этой скорби—общеніе Царя съ народомъ, здѣсь и утѣшеніе во взаимномъ соболѣзнованіи. Присоединимъ къ сему и обращеніе всѣхъ скорбящихъ сердецъ нашихъ къ Богу, Источнику всякаго утѣшенія, возверземъ на Господа печаль свою и Той насъ препитаесть (Псал. LIV, 23) утѣшеніемъ. Итакъ, да не скорбимъ, якоже не имущи упованія (I Солун. IV, 13)!

Наше упованіе въ Богѣ и, послѣ Бога, въ Царѣ родномъ.

Сердце Царевъ въ руцѣ Божіей. Въ руцѣ Божіей и жизнь Его. Но памятованіе объ этой жизни хранится въ сердцахъ преданныхъ людей. Хранимъ и мы

эту память, — какъ дорогой залогъ, — о Томъ, Кто оставилъ благословеніе своему народу и миръ государствамъ.

Памятуемъ Его, какъ правдиваго и твердаго Царя-Миротворца народовъ, въ правленіе Коего не раздавалось бранныхъ кликовъ войны. Памятуемъ Его, какъ Вѣнценоснаго, доблестнаго вождя, высоко поднявшаго славу Россіи и миромъ завоевавшаго неподдѣльное сочувствіе и соболѣзнованіе всего свѣта. Памятуемъ Его, какъ Царя сердобольнаго, даровавшаго народу своему облегченія отъ его тягостей и состраждающаго ему въ години бѣдствій. Памятуемъ Его, какъ Царя — мудраго Правителя, внѣдрившаго порядокъ, незамѣтно сгладившаго крайности и увлеченія, какъ Царя, уравновѣсившаго правду и милость, водворившаго *тихое и безмолвное житіе во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (I Тимоф. II, 2). Памятуемъ Его, какъ Царя-Праведника въ Семѣ Державной и Праведника въ народѣ, Праведника въ жизни и Праведника въ день смерти.

Въ краткомъ словѣ изчислить невозможно всего Имъ содѣяннаго.

И мы почерпнули отъ Его щедрой и любвеобильной десницы, мы, — искони вѣковъ пріобыкшіе Бога бояться и Царя почитать. Но здѣсь опять, кромѣ исполненія Божіей заповѣди о почитаніи, чувствуется потребность сердца воздать особую отъ насъ сердечную хвалу и благодареніе за оказанное православному духовенству всей Россіи и духовно-учебнымъ заведеніямъ. Да приметъ же Всевышній Царь царей молитвенную, благодарную память нашу!

Великій же Государь нашъ, Первенецъ въ Бозѣ Почившаго, а теперь и Первенецъ земли русской,

Ему же *Богъ небесный царство даде крѣпкое, и державно и честно* (Даніил. II, 37), Его же десница Господня препояса и на дальнѣйшія дѣла благая,—внимая скорби нашей, да облегчитъ тѣмъ Свою Сыновнюю скорбь!

И видимъ и вѣруемъ, что милосердый Господь послалъ уже Ему утѣшеніе въ лицѣ Богоданной Подруги жизни,—освятивъ Ихъ взаимный союзъ. Отнынѣ Августѣйшее имя Его будетъ неразрывно связано съ именемъ благочестивѣйшей ЦАРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ и наша молитва о Ней будетъ на ряду съ молитвою о Немъ.

Молимся, дабы новый Державный Вождь Россія, по примѣру Своего Родителя, твердою рукою держалъ бразды правленія, и съ покорностію Всевышнему несъ тяжелое бремя. Да будетъ Онъ всѣмъ отецъ и благодѣтель, опора и защита! Да будетъ благоденствовать Россія подъ Его водительствомъ. Да сіяетъ въ ней вѣра Христова и благочестіе народное! Да почиетъ на ней и на Державномъ Вождѣ ея благословеніе небесное!

Призванные на служеніе вѣрѣ православной и церкви святой ничего лучшаго не могутъ принести въ даръ Ему, кромѣ горячихъ молитвъ.

И нынѣ и присно молитва наша будетъ, да живой въ помощи Вышняго, въ Бозѣ почившій Государь нашъ, въ кровѣ Бога небеснаго водворится. А Державнаго Преемника Его да заповѣдаетъ Господь ангеламъ Своимъ сохранять во всѣхъ путѣхъ Его. На рукахъ возьмутъ Его, да не когда преткнетъ Онъ о камень ногу Свою. На аспида и василиска наступитъ и поперетъ льва и змія. Воззоветъ къ Нему и Онъ услышитъ Его въ день скорби, изметъ Его и прославитъ Его, дол-

готою дней исполнить Его и явить чрезъ Него въ доблестныхъ трудахъ и отеческихъ заботахъ Его славу и спасеніе Россіи.

Не забудемъ днемъ и ноцію молиться и о Той, Которая первая есть изъ всѣхъ „плачущихъ и болѣзнуюющихъ, чающихъ Христова утѣшенія“. Любившая осчастливить другихъ, Она потеряла, въ лицѣ Державнаго Супруга, Свое собственное счастье. Горе и скорбь Ея не поддаются описанію;—словъ такихъ нѣтъ..... Но не утаится предъ Богомъ Ея „капля слезная, или капли часть нѣкая“ (изъ молитв. ко св. причащенію). Да подасть Ей Отецъ Небесный наиболѣе всего обрѣсти утѣшеніе въ Державномъ Сынѣ и Царственной Дочери!

II.

Памяти Профессора Ив. Ѡ. Нильскаго ¹⁾.

Рѣдѣють ряды старыхъ опытныхъ профессоровъ, оставившихъ глубокой слѣдъ своею многолѣтнею дѣятельностію. 11-го августа скончался заслуженный ординарный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи Иванъ Ѡедоровичъ Нильскій. 37 лѣтъ съ честію занималъ онъ только что открывшуюся, въ пятидесятихъ годахъ, новую кафедру ученія о русскомъ расколѣ. Онъ былъ первый профессоръ-расколовѣдъ въ петербургской академіи, въ теченіе почти четырехъ десятилѣтій высоко державшій знамя науки. И нашею первою школою по изученію раскола,—если не брать въ расчетъ немногихъ свѣдѣній, полученныхъ еще въ семинаріи,—и нашею первою разумною школою была аудиторія Ивана Ѡедоровича. Это было въ началѣ шестидесятихъ годовъ (1863—65). Ученіе о расколѣ читалось въ старшемъ курсѣ. Аудиторія профессора еще молодаго, въ полномъ разцвѣтѣ силъ, но уже прекрасно освоившагося съ своимъ предметомъ, была

¹⁾ Воспоминаніе это было напечатано въ «Странникѣ» за 1894 г. октябрь.

всегда полна слушателей. Профессоръ не читалъ, а говорилъ свои лекціи, ходя по классу. Живая увлекательная рѣчь лилась совершенно свободно, слушалась легко и шевелила наши юныя головы; не утомленными выходили мы изъ класса, а скорѣе—оживленными; мы входили во вкусъ живыхъ современныхъ вопросовъ. Не стѣсненный и не стѣснявшійся рамками какой либо выработанной программы, онъ читалъ эпизодически, широко и съ увлеченіемъ захватывая и разъясняя волновавшіе общество вопросы. Совершенно естественно, что вопросы эти увлекали и насъ. Но нельзя не вспомнить съ благодарностію, что въ лицѣ Ивана Ѳедоровича мы имѣли опытнаго руководителя, съ тонкою критикою относившагося къ разнымъ моднымъ, широко распространеннымъ тогда взглядамъ и сужденіямъ.

Въ то время весьма мало занимались полемикою съ расколомъ. Практическая идея петербургскаго митрополита Григорія отошла далеко на задній планъ. И общество и ученые интересовались не борьбою съ расколомъ, а вопросами о сущности и происхожденіи раскола. Тогда высоко цѣнились книги профессора Щапова: „Русскій расколь старообрядства“—изслѣдованіе о причинахъ происхожденія и распространенія раскола (1859) и „Земство и расколь“ (1862). Его взгляды на расколь какъ на явленіе не церковное, а соціально - гражданское, были въ большомъ ходу. Взгляды эти держались довольно долго, и стали замирать только въ послѣднее время. Отъ этихъ взглядовъ зависѣлъ, конечно, и характеръ борьбы съ расколомъ. Въ аудиторіи Ивана Ѳедоровича мы слушали обстоятельный разборъ этихъ взглядовъ и вынесли изъ нея убѣжденіе въ полной ихъ несостоятельности. Благо-

даря этому, и въ будущемъ мы стали на вѣрный путь и не тратили даромъ времени на уясненіе праздныхъ вопросовъ. Съ другой стороны отъ стараго времени унаслѣдованы были представленія объ обрядовыхъ разностяхъ или мнѣніяхъ раскольниковъ какъ о чемъ-то еретическомъ, получившемъ начало отъ еретика Мартына армянина и осужденномъ на древнемъ соборѣ въ Кіевѣ. Въ основаніе этого приводилось дѣяніе кіевского собора на Мартына еретика. Въ аудиторіи Ивана Ѳедоровича мы впервые услышали основательное разсмотрѣніе неподлинности означеннаго документа. Не онъ придумалъ возраженія противъ дѣйствительности бывшаго будто бы въ 12 вѣкѣ въ Кіевѣ собора,—это было сдѣлано раньше,—но заслуга его въ томъ, что онъ не скрылъ отъ своихъ слушателей правды, не обошелъ щекотливаго для того времени вопроса. Результатомъ его критики было то, что мало-по-малу, какъ-бы незамѣтно предъ умственнымъ взоромъ нашимъ сталъ предноситься иной совершенно взглядъ на обрядовыя разности раскольниковъ-старообрядцевъ,—который въ настоящее время принятъ безспорно наукою и раздѣляется церковною властію. Высказываемое нѣкогда подозрѣніе въ еретичествѣ двуперсія, сугубой аллилуіи и тому подобныхъ предметовъ уступило мѣсто иному, болѣе мягкому взгляду на эти предметы. Такимъ образомъ, благодаря академическимъ лекціямъ, мы опять могли стать на настоящій путь. Правда, Иванъ Ѳедоровичъ не развивалъ предъ нами прямо богословскихъ воззрѣній на означенные вопросы,—потому-ли, что онъ какъ-то не любилъ этого, или потому, что не пришло тогда еще время говорить то, къ чему не было подготовлено общее сознаніе и что требовало нѣкоторой

осторожности въ сужденіяхъ. Но понятливые его слушатели могли уже дѣлать надлежащіе выводы и развивать и обосновывать этотъ взглядъ.

Здѣсь мы пока имѣемъ въ виду критическій талантъ нашего профессора, изъ чтеній котораго вынесли хорошіе уроки.

Что касается положительныхъ чтеній по исторіи раскола, то въ аудиторіи Ивана Ѳедоровича мы слышали главнымъ образомъ богатые и интересные очерки правительственныхъ къ расколу отношеній. Въ то время только что сдѣлались извѣстны сборники Кельсиева съ офиціальными записками и отчетами о состояніи раскола за время царствованія императора Николая (1860—62). Тогда-же вышли въ свѣтъ „Раскольничьи дѣла 18-го столѣтія“, Есипова (1861). Вслѣдъ за тѣмъ появились въ печати: „Собраніе распоряженій по части раскола“, не вошедшихъ въ собраніе законовъ (1863) и „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ“ Варадинова, въ коей 8-я дополнительная книга вся посвящена изложенію распоряженій по расколу (1863). Предъ талантливымъ и трудолюбивымъ профессоромъ оказалась масса новаго, неразработаннаго матеріала. Завѣса, скрывавшая расколъ и дѣлавшая его какимъ-то секретомъ, стала спадать; открылись новые горизонты для ученой любознательности. Покойный Иванъ Ѳедоровичъ со всею эвергіею и увлеченіемъ отдался изученію этого матеріала и освѣщенію новыхъ сторонъ изъ жизни раскола. Изучая и знакомясь самъ, онъ знакомилъ и своихъ слушателей, не скрывая отъ нихъ добытыхъ путемъ изученія свѣдѣній. И предъ нами стала открываться вся широта предмета и сознаваться весь интересъ протекшей и текущей жизни раскола. Съ особен-

нымъ вниманіемъ слушали мы рассказы изъ времени царствованія Петра I и изъ недавняго прошлаго,— необычайно богатаго кипучею дѣятельностію времени Николаевской эпохи. Сколько можно думать, любовь къ изученію и освѣщенію означенной стороны осталась у Ивана Ѳедоровича на всю жизнь.

Но всему бываетъ конецъ. Скоро наступилъ конецъ и нашему пребыванію въ академіи, и мы должны по необходимости окончить наши бѣглыя воспоминанія о профессорской дѣятельности нашего наставника и руководителя, припомнивъ развѣ еще одну характерную черту. Этою чертою была искренность и какая-то задумчивость. Иванъ Ѳедоровичъ никогда не говорилъ того, что, хотя и считалось принятымъ, но въ чемъ самъ онъ не былъ глубоко убѣжденъ. Когда онъ рассказывалъ, то чувствовалось, что онъ не только говоритъ то, что по обязанности говорить подобало, но душу свою изливаетъ предъ слушателями, не доказываетъ какое-либо предвзятое положеніе, прибѣгая къ діалектикѣ, а рассказываетъ лишь то, что самъ чувствуетъ и знаетъ и чѣмъ находитъ нужнымъ подѣлиться съ тѣми, которые сами потомъ станутъ работать, быть можетъ, на томъ-же поприщѣ. Эта-то искренность сообщала новую прелесть лекціямъ Ивана Ѳедоровича и дѣлала то, что слова его не были кимваломъ только звенящимъ. Чтобы оцѣнить эту черту со стороны теоретической, необходимо помнить, что наука о расколѣ въ то время была еще очень юною, а между тѣмъ отъ прежняго времени унаслѣдованы были уже извѣстныя убѣжденія и взгляды, критически не провѣренныя и скоро оказавшіеся несостоятельными. Почему особенно здѣсь и дорого было искреннее, убѣж-